

УДК 351.746.1(47+57)
ББК 67.401.212
3-38

Захаров, Николай Степанович.
3-38 От ГУЛАГа до Кремля. Как работала охрана НКВД—КГБ /
Николай Захаров. — Москва : Алгоритм, 2017. — 224 с. —
(Кремлевские телохранители).

ISBN 978-5-906880-78-9

Автор этой книги Николай Степанович Захаров — генерал-полковник, 1-й заместитель председателя КГБ СССР – с 1940 по 1970 год служил в органах госбезопасности, возглавлял 1-й отдел 9-го Управления КГБ (охрана высших руководителей партии и правительства).

В своих воспоминаниях он рассказывает об охране Н.С. Хрущева, В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, в том числе за границей; о встречах с Ч. Чаплиным, И. Тито, Дж. Неру, Жаклин Кеннеди. Отдельные главы посвящены «делу Берии», перезахоронению Сталина, в котором Н.С. Захаров принимал участие. В воспоминаниях генерала есть уникальные подробности о системе охраны сталинских лагерей, где он состоял на службе в свое время, об «урегулировании конфликтов при забастовках и бунтах в лагерях».

УДК 351.746.1(47+57)
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-906880-78-9

© Захаров Н.С., правообладатели, 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Массово-политическое издание
КРЕМЛЕВСКИЕ ТЕЛОХРАНИТЕЛИ

Захаров Николай Степанович
От ГУЛАГа до Кремля
КАК РАБОТАЛА ОХРАНА НКВД—КГБ

Редактор *О.В. Селин*
Художественный редактор *Б.Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 25.11.2016.
Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,76.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906880-78-9



СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. Шебаршин. Предисловие</i>	6
На работу в НКВД	9
«Айзсарги»	19
Чувашские лагеря	31
ГУЛАГ	38
Кремлевская охрана	57
Берия	66
Хрущев	75
Молотов в Женеве	81
Встречи с Чарли Чаплином	104
Мороженое для Тито	111
Англия. Неприятный Черчилль	118
В Японии с Микояном	131
В Америке с Хрущевым	140
Ботинок Хрущева	171
Кеннеди	196
Вторые похороны Сталина	204
Хрущевская охота	210
Остров Даманский	214
Прощай, КГБ!	217

ПРЕДИСЛОВИЕ

Захарову повезло дважды: во-первых, он прожил удивительно долгую жизнь. Родившись в начале прошлого века, в 1909 году, он умер, пережив всех своих сверстников, в апреле 2002-го, в возрасте 94 лет. Во-вторых, эти годы были наполнены эпохальными событиями в жизни не только Николая Степановича, но и всей России. Если к этому добавить, что он был не только свидетелем, но и активным участником многих событий, то становится понятен неподдельный читательский интерес к предлагаемому рассказу. И строит свое повествование Николай Степанович Захаров увлеченно и талантливо, не ограничиваясь перечислением общеизвестных фактов, а добавляя к ним новые подробности.

Интересен прежде всего сам жизненный путь этого удивительного человека, Его детство и юность пришлись на время, когда Россия меняла свой облик, когда рухнул царский строй и пришла пора строительства нового общества, когда на практике люди пытались осуществить лозунг (кто был никем, тот станет всем). Ученик сапожника, первый комсомолец в округе, организатор колхоза, секретарь сельского совета, кавалерист, секретарь комитета комсомола трамвайного управления Ленинграда, слушатель Высшей партшколы при ЦК ВКП [б], работа на Дальнем Востоке, в Хабаровске, на Сахалине, — это лишь начало биогра-

фии Николая Захарова, который еще не знал, что он будет вызван в Москву, что получит направление в отдел кадров НКВД, что вскоре грянет война с Германией, а его ведомство вместе с правительством переведут в Куйбышев. А потом ему придется служить и работать первым заместителем министра внутренних дел Латвийской ССР, быть министром МВД Чувашии, руководить органами внутренних дел Кемеровской области.

Примечательно, что нигде Николай Захаров не искал для себя теплого места — ни в Латвии, где два с половиной года не выпускал из рук автомата, ни в Кемеровской области, где выходил один в бунтующие лагеря заключенных и наводил порядок, ни позже, когда, готовя приезд советской делегации в той же Индонезии, летел на полуразвалившемся самолете под тропическим ливнем, ни в здании Организации объединенных наций, где руководил охраной главы советской делегации, ни во Франции, когда эмигранты пытались организовать очередную провокацию против визита делегации из Советского Союза, ни в Японии, где на советский автомобиль мчался с перекошенным лицом человек, задержанный полицией, ни на острове Даманском, где первому заместителю Председателя КГБ СССР Николаю Степановичу довелось командовать нашими пограничниками...

Начальник 9-го управления, первый заместитель Председателя КГБ СССР Н.С. Захаров не мог просто так уйти на пенсию. Вот почему Дмитрий Федорович Устинов в личной беседе предложил ему поработать заместителем министра машиностроения СССР, где Захаров трудился многие годы. Ему повезло снова: он дожил до той поры, когда ушли долгие и недолгие руководители нашей страны, когда изменилась и стала другой наша великая Россия. Пройдут годы, десятилетия. Но сколько бы времени ни кануло в Лету, нам нельзя забывать о тех замечательных людях, крепких ду-

хом и телом, которые вынесли на своих плечах все, чтобы сохранить нашу прекрасную Родину, которая только одна и дает человеку счастье.

Уверен, что эту книгу с огромным интересом прочитают и ветераны, и молодые сотрудники спецслужб, и те, кто не знает об их работе, потому что яркие свидетельства современника о нашем недавнем прошлом помогут нам всем сегодня стать чуточку лучше.

*Леонид Шебаршин, генерал-лейтенант,
зам. Председателя КГБ СССР в 1989-1991 гг.*

НА РАБОТУ В НКВД

...В феврале 1936 года я был избран членом Центрального райкома комсомола Ленинграда. Вскоре после этого со мной случилось небольшое «ЧП». В конце февраля как-то ко мне зашел секретарь парткома с незнакомым человеком. Этот незнакомец сразу перешел к делу и сказал, что есть предложение направить меня на учебу в двухгодичную школу НКВД. Он объявил мне условия, и я в принципе согласился, но сказал, что этот вопрос надо оговорить с райкомом. «Это мы берем на себя», — сказал чекист. С секретарем парткома мы условились, что дела я сдам заместителю Васильеву. Было обусловлено, что через два дня я должен явиться в школу на улицу Гороховая для сдачи экзаменов.

Учитывая заявление представителя НКВД, что вопрос о моем уходе он берет на себя, я не пошел в райком, а, сдав дела, к назначенному сроку явился в школу. В тот же день я сдал экзамен, прошел аттестационную комиссию и к вечеру уже был обмундирован в курсантскую чекистскую форму. В школе было общежитие, где я переночевал. На другой день меня вызвал начальник училища и заявил, что произошло недоразумение. Секретарь райкома ВЛКСМ категорически против моего ухода с комсомольской работы и пожаловался секретарю горкома партии Угарову, который дал указание вернуть меня на старое место.

На другой день я пришел к секретарю райкома комсомола Маринушкину, который обвинил меня чуть ли не в дезертирстве с комсомольской работы. Вообще разговор

у нас состоялся нелицеприятный, но завершился он в мою пользу. Мне просто неудобно возвращаться в коллектив, с которым я распрощался. Тогда Маринушкин, поняв, что я не виноват в том, что произошло, заявил мне: «Нам нужен заместитель председателя райсовета Осовиахима по работе среди молодежи Центрального района». Я согласился, но работать там мне практически не пришлось: произошло районирование Ленинграда и Центральный район стал Куйбышевским в других границах. Райком отозвал меня и по согласованию с обкомом комсомола решением бюро райкома я был назначен заместителем директора Дома коммунистического воспитания молодежи, именуемого «ДКВМ Старая и Молодая Гвардия», на Фонтанке 44. Это был по существу Дворец культуры комсомольского актива Ленинграда. Директором этого культурного центра был Клейн, который через несколько месяцев уехал в Москву в Высшую школу пропагандистов при ЦК ВКП (б). Я был назначен директором ДКВМ «Старая и Молодая Гвардия».

Хочу отметить, что недоразумение с поступлением в школу НКВД сослужило мне службу, которую можно назвать «нет худа без добра». Что получилось бы со мной, поступи я в органы в те страшные годы? Куда бы забросила меня судьба-злодейка?..

Второй раз меня рекомендовали на работу в органы НКВД уже в 1940 году. К этому времени я женился, и мы с моей женой Машей работали на Дальнем Востоке по комсомольской линии.

В январе 1940 года мы приехали из Хабаровска в Москву. Имея на руках разрешение Хабаровского обкома партии на выезд из края и характеристику, я на следующий день отправился в Управление кадров ЦК ВКП (б), где был принят заведующим отделом Поповым. Внимательно выслушав меня и ознакомившись с документами, он сделал предложение: пойти на работу в органы НКВД. На днях у

него был заместитель начальника Главного Управления Рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ) Запевалин и просил помочь подобрать хорошего работника на руководящую должность.

Откровенно говоря, мне не очень хотелось идти на работу в органы милиции, так как профиль моей прошлой работы был гуманитарным, а тут вроде бы карательный.

Я сказал об этом Попову, который настоятельно советовал мне не отказываться от предложения, аргументируя тем, что кадровая работа — тоже партийная работа, но там и зарплата повыше да и с жильем вопрос можно решить быстрее, чем где-либо. Я поблагодарил Попова за внимательное отношение к моим проблемам и ушел, довольный визитом.

20 января 1940 года я был принят в органы НКВД на должность заместителя начальника отделения отдела кадров ГУРКМ СССР. Отделение кадров занималось вопросами подбора номенклатурных работников органов милиции СССР: наркомов союзных и автономных республик, начальников управлений краев и областей и их заместителей. Это было основное комплектующее отделение. Номенклатура была огромная, а работников в отделении было меньше десяти человек. Я быстро вписался в коллектив и пользовался уважением и авторитетом. Работы было много. Секретарь часто целыми охапками приносила мне на просмотр и подпись личные дела на лиц, подлежащих утверждению в верхах. Наркомов республик назначал нарком НКВД, их заместителей — замнаркома. Начальник Главного управления милиции и его заместитель Запевалин только визируют заключения об утверждении.

Распорядок рабочего дня был, прямо скажу, дикий. Рабочий день начинался в десять утра. С 15 до 18 — перерыв на обед, его хватало только на то, чтобы приехать на квартиру пообедать и обратно. Работали до часу ночи, а ино-

гда и до трех утра. Опоздание даже на пять минут считалось серьезнейшим проступком и наказывалось вплоть до увольнения. Работали на износ. Все с нетерпением ждали воскресенья с надеждой и мечтой — ВЫСПАТЬСЯ. Так я проработал тринадцать лет. Только с приходом к власти Н.С. Хрущева распорядок рабочего дня был изменен, и мы в органах стали работать как все нормальные люди.

Позже я узнал, что такой распорядок рабочего дня был приспособлен к режиму Сталина, который зачастую днем спал, а к вечеру собирал у себя на даче в Кунцево членов Политбюро, секретарей ЦК и других руководителей из ближайшего окружения. Там же ночью организовывались обеды, продолжавшиеся иногда до утра. Сталин ночами бодрствовал. Зная об этом, сидели в своих кабинетах наркомы и их замы, сидели и мы, рядовые работники, клевавшие носом, со слипающимися глазами, пока не раздавалась команда, разрешающая ехать домой. Кто как, кто на чем, а чаще пешком добирались мы домой, так как автотранспорт, метро и трамваи в эту ночную пору не ходили. Удивительно, как нам удавалось физически выносить такой губительный режим работы. Даже в наркомате обороны рабочий день был иным. Например, мой старший брат Василий, занимавший должность начальника отдела в Главсанупре наркомата обороны, всегда заканчивали работу не позднее семи часов вечера. Я ему завидовал.

В марте 1940 года я был назначен начальником отделения, а еще через полгода — заместителем начальника отдела кадров. Так быстро я продвинулся по восходящей линии, сам того не ожидая. В июне 1940 года мне было присвоено первое милицейское звание — лейтенант.

В должности заместителя начальника отдела кадров ГУРКМ СССР я работал непродолжительное время, так как в марте 1941 года этот отдел был упразднен и все его функции переданы в отдел кадров НКВД СССР. Я был назначен начальником отделения этого отдела.

Содержание моей работы по существу не изменилось, так как вся номенклатура руководящих работников милиции страны полностью осталась в моем отделении. Изменился лишь мой чин, мне было присвоено звание старший лейтенант государственной безопасности (две шпалы, но уже красного цвета). Изменилась и форма одежды: меня обмундировали в тогдашнюю форму чекиста.

...22 июня 1941 года ночью за мной пришла автомашина с приказом немедленно прибыть в наркомат. Приезжаю в отдел кадров, нас собирает зам. наркома Обручников и говорит, что на СССР напала Германия.

С этого времени мы не знали покоя ни днем, ни ночью. Когда немцы подошли к Смоленску, в наркомате начали активно сжигать лишние документы. Обгорелые бумаги, словно стаи грачей, витали над домами площади Дзержинского и на Лубянке.

Когда начались налеты немецкой авиации на Москву, дано было указание об эвакуации членов наших семей. Семьи сотрудников нашего отдела были эвакуированы в Куйбышевскую область в поселок Серноводск, где была грязелечебница. Через некоторое время Маша с сыном Львом переехала в г. Иваново, где директором небольшой текстильной фабрики работала ее старшая сестра Анна Васильевна Медведева. В период подступа немцев к Москве ко мне обратился за помощью бывший начальник милиции одного из районов Смоленской области, направлявшийся в тыл. Я попросил его заехать в г. Иваново, забрать жену и сына и сопроводить их в Пермь (тогда — город Молотов).

Одновременно я позвонил начальнику областного управления милиции Скрыпнику и просил его помочь Маше в устройстве с жильем и питанием. Скрыпник выполнил мою просьбу, устроив их в двухэтажном деревянном доме с печным отоплением, и прикрепил их к местному спецторгу для получения продовольствия. У Маши на ру-

как был мой денежный аттестат, по которому она получала часть моей зарплаты. Несмотря на помощь, которую оказывал Скрыпник, моя семья, как и все в тот период, испытывала большую нужду, было холодно и голодно, особенно зимой 1941-1942 гг. Мне один раз удалось навестить их в Перми. Но я тоже не мог привезти что-то существенное, так как на казарменном положении питались мы в нашей столовой отвратительно, в результате чего я приобрел язву двенадцатиперстной кишки. Бывало, придешь после обеда в кабинет, наевшись котлет из немолотой пшеницы, завалишься на диван и крутишься от боли. Лекарств болеутоляющих не было, да и времени не было ходить по врачам. Осенью 1942 года я забрал семью в Куйбышев на постоянное место своей работы.

Все сотрудники наркомата в этот период находились на казарменном положении, никто не имел права отлучаться с работы. Я спал на диване, мои подчиненные — на раскладушках, а то и на полу. Иногда мы ходили в Центральные бани.

Октябрь 1941 года был критическим. В середине месяца после выступления по радио председателя Моссовета в Москве поднялась паника: жители, в том числе многие руководящие работники, потоком бежали из Москвы. Были факты, когда рабочие насильно возвращали директоров-дезертиров на работу. В городе появились группы мародеров, грабивших магазины. Но принятыми мерами грабеж был пресечен силами работников НКВД, милиции и военных Московского гарнизона.

Налеты на Москву немецких летчиков участились и, несмотря на хорошо организованную противовоздушную оборону города, отдельным летчикам удалось прорваться в центр. В одну из ночей фашисты сбросили несколько бомб в здание ЦК ВКП (б), в здание арсенала в Кремле, в дом КГБ в Кисельном переулке, а также на перекрестке

ул. Кирова и Кривоколенного переулка, в нескольких метрах от моего кабинета на Малой Лубянке в доме № 5. Окна кабинета были закрыты тяжелыми шторами. Взрыв бомбы на ул. Кирова был настолько силен, что потряс все здание, а стекла в окнах моего кабинета разлетелись вдребезги. Не будь тяжелых штор, я бы получил ранение головы и лица, так как сидел рядом с окнами. Помню, секретарь, вошедшая с охапкой личных дел, как раз в этот момент упала в обморок. Потом мы привыкли к тревогам и налетам и, даже несмотря на приказ, не спускались в бомбоубежище, а ходили дежурить на крыши домов, чтобы оттуда сбрасывать фугасные бомбы...

В июле 1942 года я пришел с докладом к заместителю начальника отдела кадров НКВД СССР Свинелупову, который вместе с начальником комплектуемого отделения Щепакным обсуждали какую-то проблему.

— Чем это вы так озабочены? — спросил я.

— Нам дано указание срочно подобрать кадры для укрепления УНКВД Куйбышевской области. Туда переправляется весь дипломатический корпус и значительная часть правительства. Не исключено, что туда поедет товарищ Сталин. — Свинелупов вздохнул. — Начальника УНКВД туда уже нашли, это Блинов, зама по оперативной работе тоже подобрали, а вот заместителя по кадрам ищем. Давай помогай, ты многих кадровиков знаешь.

Перебрав кучу справок на известных нам работников, мы так и не остановились ни на одном.

— А может быть, мне поехать, если моя кандидатура подойдет на эту должность? — предложил я.

— Ты шутишь или всерьез?

— Да нет, не шучу. Если надо — поеду.

— Было бы здорово, если бы ты согласился, — кивнул Щепакин.

— Хорошо, — согласился Свинелупов, — в таком случае больше и искать не будем. Доложим заместителю наркома, и, если он согласится отпустить тебя, немедленно направим представление в ЦК ВКП (б).

Решение состоялось, и в июле 1942 года я уже принимал дела в УНКВД Куйбышевской области, которая в тот период была просто огромной — 64 района. В нее входила и нынешняя Ульяновская область. Почти одновременно с назначением на эту должность мне было присвоено очередное звание капитана (три шпалы).

Начальник УНКВД Блинов был опытным руководящим работником органов и пользовался в коллективе авторитетом. С ним легко было работать, так как он хорошо разбирался в деловых качествах кадров и в оценке их работы был объективен. Сам он работал много. Правда, у искусственного на руководящей работе разного рода привилегиями Блинова иногда проскальзывали барские замашки в личных запросах, на чем, кажется, он потом и погорел, будучи начальником главка в Центральном аппарате в Москве. У меня с Блиновым установились хорошие деловые отношения и взаимное доверие в работе, а это я считал главным.

К сожалению, в 1943 году его взяли в Центральный аппарат на должность начальника оперативного главка, а к нам прибыл бывший заместитель начальника УНКВД Московской области Петров. Он был прямой противоположностью Блинову, не обладал способностями и умением руководить коллективом, а вот чего у него было в избытке — так это посредственное знание дела и халатное отношение к работе. Зато он преуспевал в охоте и рыбалке, распитии спиртных напитков и ухаживаниях за женщинами. Предаясь забавам и утехам, мог днями не появляться на работе. Несмотря на тяжелую обстановку в стране, нужду и страдания людей, Петров вел себя безответственно. Нахо-

дились у него и дружки из числа подчиненных руководящих работников, угодливо поставлявших ему все необходимое для застолья, в том числе и «живой» товар. В коллективе это знали, и слухи о поведении Петрова пошли по всему аппарату.

Не выдержав такого поведения Петрова, я, как-то оставшись с ним вдвоем, откровенно высказал, что говорят нелестного о нем в коллективе. Петров вспылил, наговорил мне дерзостей, и я, хлопнув дверью, ушел, понимая, что после этого нам вместе не работать. В обкоме партии Петров также не пользовался авторитетом, так как там знали о его отношении к работе и поведению. Первый секретарь обкома партии В.Г. Жаворонков как-то в разговоре со мной очень нелестно отозвался о Петрове:

— У меня руки до него не доходят. Но я до него доберусь.

В семье Петров жил скверно, вечно ссорясь со своей женой. У них были дочь и сын. Моя жена неоднократно была свидетельницей этих ссор.

После бурной сцены с Петровым я написал заместителю наркома Обручникову письмо с просьбой перевести меня в какую-либо другую область или освобождающуюся от оккупации республику. Свою просьбу я аргументировал несработанностью с Петровым, не указывая на его отношение к работе и компрометирующее поведение, так как всю жизнь не любил сплетен и тем более доносов. Оказывается, я это очень правильно сделал, так как Обручников и Петров были близкими друзьями и даже в Москве имели совместную интимную компанию. Мне стало известно об этом значительно позже. Вот почему приехавший в Куйбышев начальником УКГБ Огольцов получил отказ о назначении меня заместителем в УКГБ. А он об этом возбуждал перед Обручниковым официальное ходатайство. Петров тогда меня не отдал.